

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Роль УМО в модернизации высшего профессионального образования

Л. Н. Глебова

руководитель Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки

В чем новизна законодательного поля и нормативно-правового регулирования, в котором начинают функционировать новые учебно-методические объединения?

Традиционно учебно-методические объединения осуществляли экспертизу образовательных программ. В рамках лицензионной процедуры требовалось заключение УМО о том, что представленная образовательная программа отвечает всем требованиям стандартов и, соответственно, готова к реализации. С 1 января 2011 г. в силу вступил закон, исключивший экспертизу из процедуры лицензирования. Что это значит? Как теперь государство гарантирует качество образования? Появилась новая процедура — обязательный лицензионный контроль. Это значит, что заявляются образовательные программы, но никто их не проверяет, кроме учредителя, который берет на себя всю ответственность. Если частное негосударственное коммерческое учреждение берет на себя ответственность за осуществление этой программы и учредитель ее поддерживает, выдается лицензия. При этом государство не включается в процесс и не проверяет заявителя. Несет ли ответственность заявитель? Конечно, несет. Потому что ровно через год на каждую новую образовательную программу приходит обязательная проверка, которая устанавливает, насколько заявленные документы соответствуют действительности. Бывает, заявили одну структуру программы, а реализуют другую, заявили один состав (например, ППС и то, что это будет делаться) — реализуют другой. Выходит, если рассматривать УМО как инстанцию, которая определяет, соответствует конкретная образовательная программа стандарту или нет, мы нуждаемся в нем на этапе замысла, когда заявитель представляет образовательную программу, и при ее реализации, когда проходит лицензионный контроль. Но жесткой обязательности ни у руководителя вуза, ни у его учредителя получить от УМО экспертизу нет.

Привычная процедура экспертизы перестала быть обязательной, но она по-прежнему востребована, так как руководитель, взяв на себя ответственность, которая потом будет проверена, должен опираться на какую-то экспертную позицию. Поэтому УМО должны перестроить свою работу, показывая свою профессиональность и формируя востребованность экспертизы на том этапе, когда учредитель или руководитель образовательного учреждения готовят запрос на лицензию. И это одна сторона взаимоотношений УМО и образовательных учреждений.

Другой стороной является процесс лицензионной экспертизы, лицензионного контроля, когда через год в обязательном порядке государство приходит в образовательное учреждение и смотрит, как заявленное соответствует действительности. Вот здесь как раз в рамках процедуры нужны эксперты, которые могут принять участие в процессе лицензионного контроля. Эти эксперты по всем документам называются экспертами, привлекаемыми к процедурам контроля и надзора. Но за любого эксперта кто-то должен нести ответственность: за его профессионализм, за его честность, за мотивацию его труда и т. д. Раньше за все это отвечало государство. Оно принимало решение, кого взять и как за него отвечать. Новые функции УМО будут заключаться в том, что именно оно формирует специальный банк данных экспертов. Но, чтобы эксперты сами стремились участвовать в процедурах экспертизы, следует разработать комплекс стимулирующих мер. Кроме того, у эксперта должно быть сформировано чувство ответственности за то, что он подписывает.

Итак, на первом этапе лицензирования проводится добровольная экспертиза, которую заказывает либо вуз, разрабатывающий программу, либо учредитель, подписывающий заявление на получение лицензии. Через год, на втором этапе или в рамках контрольно-надзорной процедуры, у государства появляется потребность привлечь экспертов контрольно-надзорной деятельности.

Третья сторона взаимодействия УМО и общеобразовательных учреждений — это аккредитация. В части «установления соответствия ГОСТа структуре и качеству» есть элемент, который называется «оценка качества выпускников». Эта оценка так же является частью экспертизы, и, по новому положению, для проведения аккредитационных процедур привлекаются эксперты. Но это уже другие эксперты. Не эксперты по контролю и надзору, а эксперты, которые действительно знают содержание того, что они экспертируют — в нашем случае, образовательные программы.

Соответственно, УМО является единственным, к кому государство в лице Рособнадзора может обратиться с вопросом: кто же эти эксперты, которые участвуют в государственной процедуре аккредитации?

У нас достаточно практики со словами «общественно-профессиональное», «общественно-государственное», «независимое», которая не всегда соответствовала этим определениям. Обычно говорилось: «Давайте посмотрим на опыт наших коллег в других образовательных национальных системах. У них там работают эксперты, а государство в это не вмешивается». Однако государство вмешивается там другим способом: оно ничего не подписывает, независимо от того, хорошо это или плохо. Всё подписывают так называемые независимые агентства. Однако в результате такого сравнения можно сделать вывод, что на самом деле это просто по-разному оформленное участие экспертов в процедуре. Вот в нашей системе право конечного решения и его оформление принадлежит государству, потому что именно оно гарантирует потребителям качество образования. Но государство своими законами и нормативно-правовыми актами показывает, что то, что оно говорит, — не означает, что это делает чиновник: процедура независимой экспертизы просто включена внутрь проведения государственных процедур.

Сейчас, когда в силу вступило положение нового закона, связанное с возможностью учета независимой оценки государственных процедур, наблюдается такое явление: в Рособрнадзор идут все мало-мальски организованные сообщества с предложением заключить договор на проведение общественной аккредитации образовательных программ какого-то конкретного направления. Поэтому надо разобраться, что такое общественно-профессиональная аккредитация. Под словосочетанием «общественно-профессиональный» понимается следующее: что оценивает кто-то, кто не участвует в процессе. Например, в вузе реализуется некоторая общественная программа. В вуз со стороны приходит независимый человек и смотрит. Таковую независимую экспертизу может заказать и государство (Рособрнадзор эту независимую экспертизу заказывает в рамках аккредитации), и кто-то другой, заинтересованный в наличии этой экспертизы. Есть отрасли, где работодатель оформлен натурально и непосредственно и где по техническим дисциплинам существуют образовательные программы, выпускники которых работают, например, в отрасли машиностроения. Естественно, что заказчиком в этой ситуации выступает союз машиностроителей, который разрабатывает у себя систему независимой оценки качества образовательных учреждений, реализующих инженерно-образовательную программу. А есть отрасли, в которых работодатель не оформлен таким натуральным способом, — к примеру, образование. Заказчиком на разных уровнях является государство. И получается, что государство, с одной стороны, — заказчик, а с другой — исполнитель.

И так совершенно интуитивно родилась мысль, что в одном УМО соединились две заинтересованные стороны: государство, гарантирующее качество образования, и заказчик, который должен смотреть, все ли создаваемые программы хороши. Поэтому развивать УМО необходимо. Нужно понимать, где совпадают интересы заказчика и государства. Это должно быть единой структурой, поэтому любые форматы взаимоотношений Рособрнадзора и УМО важны. Государство нуждается в УМО как источнике экспертов, которых оно привлекает к государственной процедуре, с одной стороны, а с другой — процедура взаимодействует внутри УМО между заказчиком и тем, кто проводит процесс образования. И Рособрнадзор, со своей стороны, заинтересован в том, чтобы максимально эффективно было организовано такое взаимодействие. Если заказчик и исполнитель договорятся о конечном результате образования на той или иной его ступени, станет понятно, какие действия для этого результата нужно совершить.

Сейчас идет дискуссия по поводу стандартов старшей школы. А ведь процесс и его многогранность как раз связаны с тем, что результат образования по-разному понимается участниками дискуссии. Кто-то результатом этого образования видит готовность выпускника получить профессию. И тогда это один процесс, и строится он в соответствии профилем, углубленностью изучения, с тем, что обязательно, а что нет. Другие результатом образования видят человека, который в старшей школе разносторонне и во всех направлениях продолжает развиваться, не углубляясь в подготовку профессии. Вот и ведут дискуссию, как глухой со слепым. Новая структура УМО — это некая модель того, как можно договариваться по результа-

там образования. Тогда понять ответственность каждого участвующего внутри процесса может быть значительно легче.

Комплексные управленческие решения по образовательному процессу принимаются с учетом повышения его качества, реализации социальных функций, формирования любого образовательного учреждения как места воспитательной работы. Однако сеть избыточна, а в избыточной сети образовательных учреждений невозможно говорить о качестве. Понятно, что никто не умаляет необходимости решать социальные задачи, но следует искать способ, каким образом в рамках этого направления решать задачи повышения качества с минимальными потерями. Иначе — коллапс. Сейчас в стране выпускников меньше, чем вузов. Как бы ни хотелось сохранить оптимизацию единственным двигателем в жизни или в наших решениях, выживет лучший вуз. Это и есть вопрос качества. Потому что встал вопрос выживания в сети: нужен — не нужен. Нужен тот, кто даст лучшее качество.

Задача формирования и развития системы оценки качества становится приоритетной в образовательной политике. Качество оказывается настолько необходимым для всех действий в области управления образованием, что его отсутствие само по себе может создать проблему для возможности делать дальнейшие шаги.